

1942 год. Шанхай. Александр Вертинский: «Мое настроение находится в концах Ваших тонких пальцев»

«Вы для меня — самое дорогое, самое любимое, самое светлое, что есть в моей жизни. Я Вам верю как Богу. Одной только Вам, на всем белом свете. И, конечно, каждое Ваше слово для меня дорого, значительно и свято. Вы — моя любовь. Вы — ангел. Вы — невеста! Все, что вы сказали, — закон. Все, что Вы делаете, — свято. На Вас нет критики! Вы вне закона и над ним. Выше Вас ничего нет!»

«Вскоре за туманом исчезла набережная Шанхая»

Мы выехали из Шанхая 4 ноября 1943 года рано утром, было пасмурно, моросил дождь. Пароход был японский — «Дайрен Мару». Нас, советских граждан, японцы выстроили в очередь. Провожających к нам не подпускали, за исключением двух-трех представителей советского консульства.

Александр Николаевич держал на руках нашу крошечную дочь и молчал. Последнее время он был серьезен, молчалив, часто нервничал. Мы медленно подтянулись по трапу японского парохода. Представители консульства, при неотлучном присутствии каких-то японцев, пожелали нам всем счастливого возвращения на Родину и сошли с парохода. С набережной нам махали платками, прощаясь, многие плакали — наши друзья, друзья и поклонники Вертинского. Вскоре за туманом исчезла набережная Шанхая, исчезли и очертания города.

Через час, когда наш пароход вышел в открытое море, капитан собрал всех пассажиров в салоне и провел с нами инструктаж о поведении спасательными средствами и о правилах поведения в случае нападения на наш пароход. Япония находилась в состоянии войны, и Желтое море между Шанхаем и Дайреном (Дальним), куда нас везли, было небезопасно, так как уже несколько месяцев американские подводные лодки охотились — торпедировали японские суда и транспорт. Обычно пароход шел только днем, окружным путем, а ночью становился на якорь и отставал в портах, и рейс от Шанхая до Дайрена занимал около двух недель. Но на этот раз, имея на своем борту более сорока человек советских граждан, пароход пошел напрямик, и на вторые сутки мы уже были в Дайрене.

«Куда нас ведут в такой тьме и что нас ждет?»

Мы плыли в хорошей каюте первого класса, но Александр Николаевич всю дорогу спать ложился одетым, даже ботинки не снимал, сбрасывая только пиджак. Меня это удивляло, но потом я догадалась: видимо, он не раздевался, так как собирался нас спасти в случае затопления парохода.

В Дайрен прибыли поздно вечером. Когда мы вышли на палубу, то крошечная тьма окружила нас, так как из-за военного затемнения не было ни огонька. Нестерпимый ветер, холодный и злой, дул с моря, расшатавая трап, и волны бешевали вокруг.

Я осторожно шла по узкому трапу, который вел нас к берегу пристани, прижимая к груди маленькую дочь, а Александр Николаевич, поддерживал меня и мою встревоженную маму. Японцы торопили нас скорее сойти на берег. У меня на душе было тревожно: куда нас ведут в такой тьме и что нас ждет? Александр Николаевич и мама молчали.

На пристани стояла группа японцев в военной форме. Нас посадили в машину и привезли в японскую гостиницу, полулетнюю, холодную, с соломенными циновками на полу вместо кроватей. Измученные и озябшие, мы были просто в отчаянии. В ту минуту и бу-

дущее показалось нам темным и тревожным. Но приехали представители нашего посольства в Дайрене и, поняв ситуацию, сразу же перевезли нас к себе в советское посольство. Как мы обрадовались, очутившись в теплой, доброжелательной обстановке, как повеселили и успокоились!

В Дайрене мы прожили два дня и дальше поехали поездом к советской границе до станции Манчжурия. В поезде нас всех поместили в один вагон, сплошной, без перегородок, и с обоих концов вагона в тамбуре приставили японских солдат, запретив нам выходить.

Нашей маленькой дочери Марианне (Александр Николаевич звал ее Биби) к этому времени было три с небольшим месяца, она была удивительно подвижным ребенком. Энергия у нее была неисчерпаемая. Когда Александр Николаевич уставал нянчиться с ней, он передавал ее мне, а я, устав, передавала ее маме, а от мамы она переходила на руки к морякам, которые с радостью ее забавляли. Так как из вагона выходить было запрещено, то, естественно, в вагоне дым стоял коромыслом. Но наша дочь прекрасно себя чувствовала в этом густом дыму и заливалась счастливым смехом.

«Прием и успех были блестящие! А мне купили теплые валенки»

...На станции Манчжурия нас тоже встречали представители нашего консульства, которые должны были переправить всех на станцию Отпор — это уже была советская территория... Затем мы приехали в Читу. Город был суровый. Мороз. Стужа. Помню, когда я впервые вышла из гостиницы на улицу, то было ощущение, что меня окунули в котел с кипятком. Гостиницу еле отапливали, воды почти не было, по стенам ползали клопы. В гостинице было много военных.

А из Москвы в Читу пришла телеграмма в местную филармонию с распоряжением, чтобы артист Вертинский дал несколько концертов в Чите. И администратор, который занимался нами, увидев, как мы с маленьким ребенком замерзаем в номере, предложил переехать к нему. Мы с благодарностью согласились. Его семья занимала две комнаты в коммунальной квартире. Вещей оказалось много, и мы разместили их в прихожей и в общей кухне. Кое-что у нас тут же «конфисковали», но мне было очень жаль только теплые шерстяные носки, которые я связала для Александра Николаевича.

...Прожили мы у администратора тоже около двух недель. Относились к нам добросердечно. А выйти на улицу я категорически отказывалась в своих туфлях. Сапоги достать было невозможно, и я попросила купить мне валенки, вспоминая, что в Харбине, будучи маленькой, я в мороз ходила в валенках. Но, как оказалось, на рынке валенки стоили четыре тысячи. Денег таких у нас не было.

Тем временем Александр Николаевич осмотрел зал филармонии, нашел пианиста и стал репетировать. Выбрал он аккомпаниатором Михаила Брокеса, который уже несколько месяцев развешивал с бригадой вокруг Читы. Вертинский спел четыре концерта. Зал был переполнен. Прием и успех были блестящие! А мне купили теплые валенки.

1952 год. На даче. Александр Вертинский, Марианна и кот Федул

1949 год. Александр Вертинский и Настя у входа в школу, в которой учились дочери

«Впервые мой муж был смущен, когда пограничник спросил, сколько он везет костюмов»

Вернусь немного назад. Перед отъездом из Шанхая у нас в доме стояла суматоха. Собирали и упаковывали вещи. Мы решили везти с собой только носильные вещи, а разные тарелки, вилки, ложки и прочую домашнюю утварь оставили, надеясь купить все необходимое, когда приедем на Родину.

Мама обнаружила, что ключи от чемоданов утеряны. Надо было видеть, какотреагировал Вертинский! Он вспыхнул, заволновался и с возмущением сказал: «Лидия Павловна, о чем вы беспокоитесь! Мы едем в страну, где живут люди, которые как чистые, наивные дети! Они даже слово «украсть» не знают! Кому нужны наши чемоданы! Стыдитесь даже думать о каких-то ключах!»

Моя дорогая мамочка была очень сконфужена, и вопрос о ключах больше не возникал.

Между прочим, впервые мой муж был смущен, когда на станции Отпор, на границе, к нему подошел пограничник и строго спросил, сколько он везет костюмов. Александр Николаевич ответил, что у него три костюма, из которых один на нем, еще один концертный фрак и один смокинг. Выслушав ответ, пограничник неодобрительно покачал головой, а Вертинский стоял виноватым лицом.

«Артист Вертинский просит вынести к поезду бутылку молока»

Наступило время отъезда в Москву. Вертинский предложил Михаилу Брокесу ехать с ним. Назначили день отъезда. Поезд отходил вечером, в десять часов. Машину предоставила филармония, а грузовик для багажа нашли сами, договорившись с шофером, что заплатят 350 рублей. В кабине водителя было тепло, и меня с маленькой дочерью посадили туда. В ноги мне поставили самое драгоценное, что у нас было, — корзину, где хранились коробки с сухим американским молочным порошком «Клим», специальные бутылочки с сосками, детские кашки и пеленки. Когда мы ехали, бутылки в корзине позвякивали, и шофер, видимо, решил, что это бутылки с вином или водкой. Начала разгружать вещи, мне велели сидеть в кабине и не выходить на мороз. Выгрузив все вещи, ко мне подошли Александр Николаевич и администратор.

Вертинский держал в руках 350 рублей. Мне помогли спуститься с высокого сиденья кабины, и Александр Николаевич протянул деньги водителю. Но тот неожиданно захлопнул дверь кабины, нажал на газ и мгновенно исчез во тьме и увез корзину! Какой ужас охватил нас! Шесть часов утра проснется ребенок, что делать надо кормить, а у нас ничего нет!

Вертинский категорически отказывался ехать. Он хотел дать объявление утром во все газеты и предложить деньги за возвращение корзины. Мы были в панике. Местные администраторы стали отговаривать: все это бесполезно и надо ехать, а на станциях бабы продают молоко, и можно купить у них. Тогда Александр Николаевич велел отвести его к начальнику станции и от него послал телеграммы на десять следующих станций. В телеграммах говорилось, что артист Вертинский едет в Москву с маленьким ребенком и просит вынести к поезду бутылку молока.

Слегка успокоившись, мы заняли свои места в вагоне, поезд тронулся. Мы ехали в Москву.

Наступило утро, проснувшись наша дочь. Вертинский стоял у окна на каждой станции и ждал, что вот-вот вынесут молоко. Но никто не появлялся. Тогда, спросив у проводника, сколько стоит бутылка молока, и приготовив эту

сумму, Александр Николаевич вышел на следующей станции на перрон. Но не тут-то было! Оказалось, что во время войны тара, то есть бутылка, сама по себе редкость и ценность, и ее дают только в обмен на другую бутылку. Вертинский накинуд деньги на бутылку, но никто не соглашался. Мы поехали дальше, девочка стала капризничать, мы дали ей водички, сладкого чая, но она хотела есть. Александр Николаевич нервничал, он безумно полюбил нашу доченьку Машеньку и страдал от того, что она голодная. Но я знала, что он что-нибудь придумает. Подсчитав сотенные, на очередной станции он вышел на перрон. Мы с мамой и ребенком стояли у окна. Александр Николаевич подошел к женщине, продававшей молоко, сунул ей 400 рублей, вырвал бутылку и побежал к поезду. Большой, огромный, он бежал, прижав бутылку к груди, а когда прыгнул на подножку вагона, поезд тут же тронулся. Вслед все бабы на перроне кричали в голос: «Держи-и-и вора, держи-и-и-и!!!» Но Вертинский уже в вагоне, у него бледное, но счастливое лицо!

Весь вагон радуется вместе с нами. У проводника нашлась бутылочка от чет-вертинки водки, а у Миши Брокеса оказался полный чемоданчик с детскими сосками! Кастрюльку тоже раздобыли. Проводник принес подкову, бросил ее в топку в маленьком, тесном тамбуре, когда подкова накалилась докрасна, вынул ее кочергой, и я вскипятила на ней молоко. Слава Богу! Ребенок накормлен, и есть на обмен бутылка.

Военная Москва

Наконец Москва! Нас встречала небольшая группа людей, среди которых старый знакомый Вертинского — режиссер Театра миниатюр Давид Гутман. Нас поздравили с прибытием на Родину и повели к машинам, распорядившись насчет багажа. Привезли в гостиницу «Метрополь». Поселили в прекрасном номере: большая комната с застекленным эркером, альков с кроватями, прихожая и все удобства, и даже горячая вода. Все это в военное время! Я поражена и, конечно, обрадована. Маму с маленькой Биби тоже поселили в хорошем номере со всеми удобствами. Выдали нам талоны на получение продуктов и талоны на питание в столовой гостиницы. Лучшего и желать нельзя.

В Москве знали об успехах концертов в Чите. Вертинского прикрепили в ВГКО (Всероссийское гастрольное концертное объединение), была такая организация, и обещали организовать концерты.

А до конца войны было еще далеко, и время было суровое. Но советские войска перешли в наступление и стали отвоевывать у немцев города. Как мы переживали и радовались, когда в Москве начались салюты в честь отбитых у немцев городов... Вертинский написал прекрасное стихотворение «Салют».

*Небеса рассвечены алмазами,
Возжигает Родина огни.
Все о вас, родные сероглазые
Братья драгоценные мои!
Все о том, уже бессмертном мужестве,
За которым восхищенный мир
Наблюдает со священным ужасом
Из своих разрушенных квартир.
Каждый раз за шторой затемнения
Из-за слез не отыскать окна,
— От восторга, гордости, волнения
Глубоко душа потрясена.
Этот праздник стал нас всех*

*обязывать.
Мы должны трудиться выше сил,
Чтоб потом нам не пришлось
доказывать,
Кто и как свою страну любил...
1943. Москва.*

«Подсчитав сотенные, на очередной станции он вышел на перрон. Мы с мамой и ребенком стояли у окна. Александр Николаевич подошел к женщине, продававшей молоко, сунул ей 400 рублей, вырвал бутылку и побежал к поезду. Большой, огромный, он бежал, прижав бутылку к груди, а когда прыгнул на подножку вагона, поезд тут же тронулся. Вслед все бабы на перроне кричали в голос: «Держи-и-и вора, держи-и-и-и!!!»

«Александр Николаевич говорил: люди думают, что за границей с неба падают жареные куропатки»

Когда мы приехали в Россию, то многие обыватели решили, что мы очень богатые люди. У них заграница связывалась с большими деньгами и богатством. Александр Николаевич говорил, что здесь люди думают, что за границей с неба падают жареные куропатки. Иногда нам предлагали какие-то вещи, которые нужны были нашей семье, и запрашивали немислимые высокие цены. И как-то однажды Александр Николаевич в задумчивости сказал мне: «Знаешь, они хотят на мне отыграться за всю революцию!»

Первый в жизни день рождения

Вертинский, будучи круглым сиротой, никогда не праздновал свой день рождения. В семье, где он жил, никто не отмечал этот день... Приехав на Родину, я решила возместить Александру Николаевичу за все потерянные дни рождения. Жили мы тогда еще в гостинице «Метрополь». Мы договорились с дирекцией гостиницы снять на вечер малый банкетный зал. Заказали прекрасный ужин и вина и пригласили гостей. Пригласили всех, с кем успели познакомиться и подружиться. Пришли актеры театров и кино, писатели, поэты, художники и добрые знакомые и поклонники Вертинского.

Вечер прошел прекрасно. Гости горячо поздравляли, желали здоровья, счастья и успехов в творчестве. Александр Николаевич был счастлив и благодарен за добрые пожелания, а главное — то, что он был на Родине, у себя дома и среди своих русских доброжелательных друзей.

На следующий год праздновали его день рождения скромнее. Среди гостей был у нас Дмитрий Шостакович с же-

ной. Он подарил Вертинскому партитуру Седьмой симфонии с дарственной надписью.

А дальше дни рождения Вертинского приходились на гастрольные поездки, и тогда он с нетерпением ждал из дома, от нас, его семьи, поздравительную телеграмму. И радовался, получив ее.

Текст телеграммы:
«Глубоко взволнован, обрадован поздравлением моей дорогой семьи. Ревел целое утро. Обнимаю вас всех, мысленно с вами вечером после концерта скромно по-советски отпраздную в кругу актеров.

Папа Саша».

Молоко для администратора

Администратор, которого прикрепила к Вертинскому ВГКО, был отвратительный жулик. К сожалению, о его махинациях мы узнавали задним числом. Концерты Вертинского в Москве начались в конце 1943 года. С фронта приезжали в командировку военные, и многие стремились послушать артиста Вертинского, попасть на его концерт. Все билеты обычно были распроданы. Обращались к администратору. Осипов не отказывал, но помимо оплаты билетов требовал, чтобы принесли продукты для артиста Вертинского, так как у него семья и маленький ребенок. И военные приносили сумки и чемоданчики с продуктами. Все эти продукты Осипов прятал дома.

Как-то у нас в номере раздался телефонный звонок. Звонили из Министрства молочной промышленности с просьбой спеть у них концерт. Александр Николаевич ответил, что с удовольствием споет, но он работает в гастрольном объединении, и надо сделать заявку. Человек из министерства обиженно сказал, что их министерство уже целый год ежедневно и бесплатно снабжает семью Вертинского молоком для ребенка и прочими молочными продуктами в надежде услышать его концерт!

Вертинский был поражен услышанным и ответил, что мы ежедневно покупаем молоко на Центральном рынке и платим по 100 рублей за литр. Разговор был откровенный, и выяснилось, что продукты получает его администратор Семен Осипов. Мы были шокированы и огорчены. Разговор с Осиповым ничего не дал, тот открылся и ответил, что это его дела и нам ни к чему в них вмешиваться. По всей видимости, Осипов под выдуманное обещание Вертинского спеть концерт многое стяжал. Однажды он похвастался, что не известно, где больше продуктов — в Елисеевском гастрономии или у него. Этот администратор несколько лет ловко «промышлял», используя билеты на концерты Вертинского. Между прочим, умер он от заворота кишок!

Сталинская премия за роль кардинала

В 50-е годы Вертинский начал сниматься в советском кино. Первый фильм с его участием — «Заговор обреченных» — был поставлен режиссером Михаилом Константиновичем Калатозовым. Вертинский играл роль католического кардинала. Под отрывок из его письма.

Львов 25 сентября 1949 г.:
«Встретили меня как родного. Не было ни одного рабочего, который бы не приветствовал меня, не пожал мне руки. Я был просто растроган. На другой день, т.е. вчера, с утра начались мои сцены — молебен на площади. Поэтому часть богослужения — по-латыни. Я тоже выучил. А накануне я провел вечер с экспертами — католическими свя-

щенниками, они учили меня богослужению и молитвам, и обрядам. И когда вчера я играл при тысячной толпе и еще большей толпе зевак — ксендзы со всего города сбежались смотреть. Они сказали Мих. Конст., что такому кардиналу «мог бы позавидовать даже Ватикан», и были потрясены «благородством образа и точностью исполнения обрядов!» «Можно подумать, что он служил всю жизнь», — сказали они... Я целиком окупился в эту атмосферу и не замечаю усталости, хотя очень тяжело стоять на площади 12 часов подряд. Я выбрал обличение из музеев — примерял в костюмерной митры, посохи и драгоценности весь первый день. Зато все на мне подлинное, великолепное и без клоуны. Когда я вышел из машины в полном кардинальском одеянии, то какие-то старухи крестились».

За роль кардинала в кинокартине «Заговор обреченных» он в 1951 году получил Сталинскую премию, которой очень гордился.

Сбывшееся пророчество

Александр Николаевич верил: «Через 30—40 лет меня и мое творчество выгатают из подвалов забвения и начнут во мне копаться...»

«Обо мне не пишут и не говорят ни слова, как будто меня нет в стране. Газетчики и журналисты говорят «нет сигнала». Вероятно, его и не будет. А между тем я есть! И очень «есть!» Меня любят народ! (Простите мне эту смелость.) 13 лет на меня нельзя достать билет! Все это мучает меня. Я не тешаюсь. У меня мировое имя, и мне к нему никто и ничего добавить не может. Но я русский человек! И советский человек. И я хочу одного — стать советским актером. Для этого я и вернулся на Родину».

Его пророчество сбылось.
«Известия» благодарят Лидию Владимировну Вертинскую за предоставленные фотографии